

Джон Уаймен

Волчье логово

Стэнли Джон Уаймен

Волчье логово

«Public Domain»

1890

Уаймен С.

Волчье логово / С. Уаймен — «Public Domain», 1890

«У меня было столько веских причин запомнить события этого дня, что мне кажется, в моих ушах еще теперь звучит голос Катерины. Закрою глаза, и предо мною мгновенно является картина, которую я видел столько лет тому назад – голубое летнее небо, выдающийся угол башни, от которого подвигался по небу обрывок облака, точно дым из трубы. Больше я ничего не мог видеть, потому что лежал на спине с заложенными под голову руками. Мари и Круазет – мои братья, лежали около меня в таком же точно положении, а неподалеку от нас, на террасе, на низеньком табурете, который ей вынес Жиль, сидела Катерина. Дело было в августе, во второй четверг этого месяца: было очень жарко, так, что даже галки приутихли. Я уже стал засыпать, следя за постоянно удлиняющимся облаком, становившимся все тоньше и тоньше, когда раздался голос Круазет, переносившего жару не хуже любой ящерицы...»

© Уаймен С., 1890

© Public Domain, 1890

Содержание

Глава 1. Берегись волка!	5
Глава II. Угроза Видама	12
Глава III. По дороге в Париж	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Джон Уаймен

Волчье логово

Глава 1. Берегись волка!

У меня было столько веских причин запомнить события этого дня, что мне кажется, в моих ушах еще теперь звучит голос Катерины. Закрою глаза, и предо мною мгновенно является картина, которую я видел столько лет тому назад – голубое летнее небо, выдающийся угол башни, от которого подвигался по небу обрывок облака, точно дым из трубы. Больше я ничего не мог видеть, потому что лежал на спине с заложенными под голову руками. Мари и Круазет – мои братья, лежали около меня в таком же точно положении, а неподалеку от нас, на террасе, на низеньком табурете, который ей вынес Жиль, сидела Катерина. Дело было в августе, во второй четверг этого месяца: было очень жарко, так, что даже галки приутихли. Я уже стал засыпать, следя за постоянно удлиняющимся облаком, становившимся все тоньше и тоньше, когда раздался голос Круазет, переносившего жару не хуже любой ящерицы.

– Мадемуазель, – сказал он, – зачем вы так пристально смотрите на Кагорскую дорогу?

Я бы и не обратил на это внимания, но резкий голос Круазет и то обстоятельство, что Катерина не сразу ответила ему, невольно заставили меня повернуться к ней. И что же! Лицо ее покрылось самым очаровательным румянцем, и, обращенные теперь на нас, чудные глаза ее были полны слез. Мы все, как три щенка на лапках, приподнялись на локтях и посмотрели на нее. Последовало продолжительное молчание, затем она сказала нам совершенно просто:

– Мальчики, я выхожу замуж за мсье де Паван.

Я повалился на спину и раскинул руки.

– О, мадемуазель! – воскликнул я с упреком.

– О, мадемуазель, – повторил за мною Мари. Он также упал на спину, раскинул руки и застонал.

И маленький Круазет также закричал: «О, мадемуазель!». Он был так смешон, когда также повалился на спину, хлопнул при этом себя руками и завизжал, как поросенок. Но это был догадливый мальчик. Он первый из нас вспомнил о заведенном в таких случаях порядке. Подойдя к Катерине со шляпою в руке, в то время, как она сидела, полусмущенная, полусердитая, он обратился к ней, слегка покраснев, с такими словами:

– Мадемуазель де Кайлю, кузина наша, позвольте вам пожелать всяких радостей и долгой жизни. Мы ваши верные слуги, добрые друзья и союзники мсье де Паван во всех ссорах с его врагами, как...

Но я уж не мог выдержать долее.

– Не спешите, Сент Круа де Кайлю, – сказал я, отталкивая его в сторону (он всегда забегал вперед в то время) и занимая его место. Потом, с самым изысканным поклоном, я начал:

– Мадемуазель, мы желаем вам всяких радостей и долгой жизни, мы ваши верные слуги и добрые друзья и союзники мсье де Паван во всех его ссорах с врагами, как... как...

– ... как подобает членам младшей линии вашего дома, – подсказал вполголоса Круазет.

– Как подобает членам младшей линии вашего дома, – повторил я за ним.

После этого Катерина встала и низко поклонилась мне, и мы все по очереди целовали ее руку, начиная с меня и кончая Круазетом, как требовало приличие. Потом Катерина закрыла лицо платком – она плакала, а мы сели на прежние места, скрестив ноги по-турецки, и произнесли тихо: «О, Кит!».

Но Круазет не мог уговориться.

– Что-то скажет Волк? – прошептал он мне.

– Да, конечно! – воскликнул я. В этот момент я размышлял о себе, но тут явился другой вопрос. – Что-то скажет Видам, Кит? – сказал я, обращаясь к Катерине.

При этом вопросе она выронила свой платок и так побледнела, что я раскаялся в своих словах. Круазет уже дергал меня за рукав.

– Дома ли мсье де Безер? – спросила она тревожно.

– Да, – отвечал Круазет. – Он вернулся прошлым вечером из Сент-Антонен с маленькой свитой.

Эта новость, видимо, успокоила ее, вместо того, чтобы усилить ее тревогу, как я ожидал. Я полагаю, что она беспокоилась более за Луи де Паван, чем за себя. Да это и понятно, потому что даже у Волка вряд ли хватило бы жестокости чем-нибудь повредить нашей кухне. Ее тонкая, стройная фигура, бледное овальное лицо с кроткими карими глазами, ее нежный голос, ее доброта – все это казалось нам тогда идеалом женской прелести. С тех пор, как мы себя помнили, включая и младшего из нас Круазет, которому едва минуло семнадцать (он был годом моложе нас с Мари, бывших близнецами), мы были всегда влюблены в нее.

Теперь я расскажу, как это случилось, что мы, молодежь (сложенные вместе года всех четверых не превышали семидесяти), сидели мирно на террасе замка в тишине этого дня. Было лето 1572 г. Между католиками и гугенотами был только что заключен мир; в ознаменование этого события через день или два должен был праздноваться брак Генриха Наваррского с Маргаритой де Валуа, сестрою короля, что должно было, как надеялось большинство французов, закрепить мирное соглашение. Виконт де Кайлю – отец Катерины и наш опекун, был одним из губернаторов провинций, которым было поручено следить за водворением этого мира. Он пользовался большим уважением обеих партий, будучи католиком, но не фанатиком, упокой Господь его душу! Уже с неделю перед тем, он отправился в Байону – свою провинцию.

Большая часть наших соседей в Керси также была в отъезде: они отправились в Париж в качестве свидетелей с той или с другой стороны при королевском браке. Таким образом, мы – молодежь, мало стесняемые присутствием добродушной и гнусавой мадемуазель Клод, гувернантки Катерины, пользовались нашею свободой и праздновали вновь заключенный мир по своему.

Мы постоянно жили в деревне. Никто из нас не бывал даже в По, не только что в Париже. У нашего опекуна, виконта, имелись свои, весьма строгие взгляды на воспитание юношества. И хотя нас выучили ездить верхом и стрелять, владеть шпагой и спускать сокола на охоте, но мы не более Катерины были знакомы со светом: пожалуй мы больше ее слышали об удовольствиях и испорченности придворной жизни, но зато она была более нас знакома с ее утонченными сторонами. Именно она выучила нас танцевать и кланяться. Близость ее весьма способствовала смягчению наших манер, а за последнее время мы кое что приобрели в обществе Луи де Паван – гугенота, взятого виконтом в плен при Минконтуре, жившего у нас до своего выкупа и уж не походившего совсем на деревенщину. Но мы были очень застенчивы и потому не любили и боялись незнакомых людей. Так что, когда появился наш мажордом – старый Жиль, в то время как мы с грустью раздумывали о новости, сообщенной Катериной, и объявил могильным голосом: «Мсье Видам де Безер желает засвидетельствовать свое почтение мадемуазель» – то нас охватил почти панический страх.

С криком: «Волк!» мы все вскочили на ноги. Выездная дорога в Кайлю постепенно поднимается в виде насыпи от ворот до террасы и по бокам огорожена низкими парапетами. Слова Жили долетели до нас в то самое время, как снизу показалась и его голова, так что до появления гостя оставался самый краткий промежуток времени. Круазет бросился было к дверям в дом, но не успел дойти и остановился у контрфорса башни, приложив палец к губам. Я вообще неповоротлив, а Мари дожидался меня, так что мы имели весьма неуклюжий и растерянный вид, когда темная тень Видама уже упала перед Катериной.

– Мадемуазель! – сказал он, приближаясь к ней, освещенный ярким солнцем, и склоняясь с прирожденной величественной грацией над ее рукой, – я вернулся поздно вечером из Тулузы, а завтра еду в Париж. Я лишь успел немного отдохнуть и смыть с себя дорожную пыль, но спешу принести вам мои... А!

Он, видимо, только что заметил нас и прервал свое приветствие. Выпрямившись и небрежно обращаясь к нам, он сказал:

– А, две молодые барышни Кайлю... Отчего вы не засадите их за прятку, мадемуазель? – и он взглянул на нас с неласковой улыбкой.

Круазет делал страшные гримасы за его спиной. Мы отвечали гневными взглядами, но, что сказать, не нашли.

– Вы покраснели! – продолжал этот злодей, улыбаясь, играя с нами, как кошка с мышью. – Вероятно, вы оскорбились, что я просил мадемуазель засадить вас за прятку? Так знайте же, что я сам готов прятать по приказанию мадемуазель и сочту это за большое счастье для себя.

– Мы не девочки, – пробурчал я, и вся кровь бросилась мне в лицо, – вы не посмели бы назвать девочкой моего крестного, Ан де Монморенси, мсье де Видам!

Хотя мы и шутили между собою над нашими женскими именами, но были еще настолько молоды, чтобы обижаться, когда-то же самое позволяли себе другие.

Он презрительно пожал плечами. И какими ничтожными почувствовали мы себя в то время, как его громадная фигура господствовала над всею террасой!

– Мсье де Монморенси был мужчина, – сказал он небрежным тоном, – а мсье де Кайлю...

При этом нахал преспокойно повернулся к нам спиной и сел на низкий парапет около Катерины. При всем нашем тщеславии нам было совершенно ясно, что он считает совершенно излишним вступать в какие-либо разговоры с нами... Да он совсем и позабыл о нашем присутствии!

Как раз в это время показалась мадам Клод с Жилем, несшим за ней стул, и мы отошли на другую сторону террасы, откуда продолжали метать гневные взгляды на своего обидчика, хотя это было ни с чем несообразно. Я до сих пор трепещу при одном воспоминании о нашей дерзости.

Это был громадного роста человек; обстриженная клином борода, только что вошедшая в моду при дворе, совсем не подходила к его мужественной фигуре; его серые глаза отличались каким-то леденящим взглядом, может быть, вследствие небольшой косины в них. В манерах его замечалась какая-то суровая вежливость.

Прибавьте к этому жесткий, повелительный голос, не допускавший никаких противоречий, и вы поймете, что все это вместе взятое, при отталкивающем виде этой гигантской фигуры, действовало подавляющим образом. Недаром говорили, что сильные люди приходили в смущение от одного его взгляда, а слабых он просто приводил в трепет. Чего стоила уже одна эта молва, ходившая про него! Хотя мы мало были знакомы с разными проявлениями людской злобы, но имя его всегда соединялось с доходившими до нас рассказами о разных преступлениях. Мы слышали о нем, как о самом наглом дуэлисте, и что он часто пользовался услугами наемных убийц. Даже в те дни, которые теперь, слава Богу, миновали, он славился своей жестокостью и мстительностью, и имя его часто произносилось шепотом при рассказе о каком-нибудь убийстве. Про него сложилась поговорка, что он «не уступит перед Гизом и не покраснеет перед самой Пресвятой Девой».

Таков был наш гость и сосед, Рауль де Мар, Видам де Безер. В то время, как он сидел на террасе, говоря любезности Катерине и искоса поглядывая на нас, мне казалось, он походил на большого кота, пред которым, ничего не подозревая, порхала красивая бабочка.

Бедная Катерина! Без сомнения, у нее были более веские причины для беспокойства, чем я подозревал тогда. Она, по видимому, лишилась голоса и едва отвечала, запинаясь. Мадам

Клод была глуха и глуповата, а мы – мальчики, были совсем сконфужены после полученного отпора, так что разговор не клеился.

Видам же был не из таких людей, что задают себе излишнее беспокойство в столь жаркий день. После одной из наиболее продолжительных пауз в разговоре я вздрогнул, почувствовав, что взгляд его остановился на мне. Ужас мой еще более увеличился, когда я заметил во взгляде Видама особое выражение, которого я не замечал прежде. Это было не то выражение боли, не то какого-то дикого беспокойства. Он медленно перевел этот, не лишенный вопрошания, взгляд на Мари, и потом его глаза остановились на Катерине.

Еще с минуту назад ее заметно тревожило его присутствие. Теперь же, по какой-то несчастной случайности, или по воле самого Провидения, ее внимание было отвлечено чем-то другим, и она не создавала его пристального взгляда. Ее глаза были устремлены вдаль, она вся раздумывалась, губы были полуоткрыты и грудь волновалась. Мрачная тень пробежала по лицу Видама, он отвел от нее глаза и также стал смотреть по направлению к северу.

Замок Кайлю стоит на крутой скале, посреди узкой долины того же имени. Город гнездится у подножия скалы, так близко к нему, что мальчиком мне случалось перебрасывать камень через крыши домов. Ближайшие холмы, более темные, чем окружающие их зеленые поля по берегам ручья, поднимаются по обеим сторонам. С террасы замка можно разглядеть всю долину и извивающуюся по ней дорогу. Глаза Катерины были устремлены к северной оконечности этой ложбины, где в нее спускается большая дорога из Кагора. Все время с полудня лицо ее было обращено в этом направлении.

Я тоже стал смотреть в эту сторону: какой-то одинокий всадник спускался с крутых холмов в долину.

– Мадемуазель! – внезапно воскликнул Видам таким голосом, что мы все взглянули на него, а лицо Кит покрылось смертельной бледностью. В этом голосе было нечто такое, чего она не слышала никогда прежде, точно ее кто ударил. – Мадемуазель, – продолжал он тоном грубой насмешки, – ждет, вероятно, известий из Кагора от своего жениха. Имею честь поздравить мсье де Паван с победой.

Он угадал верно! Как только раздались эти обидные слова, я вскочил на ноги, возмущенный ими, но, в то же время, пораженный его удивительным зрением и сообразительностью. Он, видимо, разглядел на этом расстоянии цвета фамильной ливреи Паванов.

– Мсье де Видам! – воскликнул я с негодованием (Катерина, вся бледная, не произнесла ни слова). – Мсье де Видам... – но тут я остановился в затруднении: за ним я видел фигуру Круазет, и с его стороны не было заметно никаких признаков одобрения или поддержки.

Так мы стояли некоторое время лицом к лицу, не говоря ни слова: мальчик и взрослый человек, ребенок и взрослый. Потом Видам поклонился мне совершенно по-новому.

– Мсье Ан де Кайлю желает отвечать за мсье Паван? – спросил он вежливо, но насмешливо.

Я угадал смысл его слов. Что-то как будто подтолкнуло меня (Круазет говорил впоследствии, что это была счастливая мысль, хотя я и не придаю теперь этому особенного значения), и я отвечал ему:

– Нет, не за мсье Паван, но скорее за мою кузину. – Тут я поклонился и продолжал: – От ее лица я принимаю ваши поздравления, мсье Видам. Ей приятно, что добрые пожелания исходят от нашего ближайшего соседа. Вы верно угадали, что она скоро выходит замуж за мсье Паван.

Я думал – и в этом убедило меня изменившееся выражение на лице гиганта и его дрогнувшая губа, – что его слова были вызваны одной догадкой. Казалось, глаза самого дьявола на мгновение отразились в его глазах. Потом он оглядел нас с Мари, как дикий зверь в клетке, озирающийся на своего сторожа, и продолжал со своею прежней вежливо-насмешливой интонацией:

– Мадемуазель желает услышать мои поздравления? – сказал он медленно, как бы с трудом выговаривая каждое слово. – Она действительно услышит их, когда наступит счастливый день. В этом она может быть уверена. Но теперь бурное время, и, если я не ошибаюсь, жених мадемуазель – гугенот, и он отправился в Париж. Воздух Парижа, как я слышал, не особенно полезен теперь для гугенотов.

Я видел, что Катерина вздрогнула, и была готова лишиться чувств. Мой гнев восторжествовал над боязнью и нерешительностью, и я грубо прервал его следующими словами:

– Будьте уверены, что Паван сумеет позаботиться о своей безопасности.

– Может быть, – отвечал Безер, и в голосе его зазвучали стальные ноты. – Но, во всяком случае, это будет памятный день для мадемуазель... когда она услышит от меня первое поздравление... Она будет помнить его всю свою жизнь! Да, за это уж я отвечаю, мсье Ан, – продолжал он, сверкнув на нас своими косыми глазами, – я уверен, что мадемуазель никогда не позабудет этого дня!

Невозможно описать тот демонский взгляд, что бросил он уходя на полуживую девушку, и ту зверскую угрозу, что прозвучала в его последних словах.

Уход его принес нам мало облегчения. Он успел оставить за собою достаточно горя, и если он желал внушить нам страх, то вполне преуспел в этом. Кит вся в слезах вошла в дом, достаточно наказанная за свое невинное кокетство, если такое было, а мы трое посматривали друг на друга с вытянутыми лицами. Не подлежал сомнению тот факт, что мы приобрели теперь злейшего врага в самом близком соседстве. Как сказал Видам, это были бурные времена, когда творились ужасные дела, когда не щадили ни женщин, ни детей... Теперь даже страшно вспомнить об этом.

– Хорошо, если б виконт был здесь, – сказал Круазет в заключение нашего неприятного разговора о возможных последствиях всего этого.

– Или хотя бы наш кастелян Малин, – прибавил я.

– От него было бы мало толку, – отвечал Круазет, – а кроме того, он в С. – Антонен, и раньше недели не вернется. Отец Пьер также в Альби.

– Как ты думаешь, – сказал Мари, – не нападет он теперь на нас?

– Конечно, нет, – ответил пренебрежительно Круазет. – Даже Видам не посмеет сделать этого в мирное время. А кроме того, у него здесь не более десяти человек, – прибавил сметливый мальчик, – и, если считать старого Жилия, то нас будет не меньше. Паван всегда говорил, что три человека легко могут защищать въездные ворота против двадцати. Нет, он не решится на это!

– Конечно, – согласился я. – Итак, мы разбили предположение Мари. Но, что касается Луи де Паван...

Тут меня прервала Катерина. Она быстрыми шагами вышла из дома и имела теперь совсем другой вид: лицо ее горело от гнева, но слез и следа не было.

– Ан! – сказала она повелительным тоном. – Посмотри, что там делается внизу?

Это не было трудно для меня: стоило только подойти к парапету, чтобы увидеть весь город. На террасу обычно доносились все звуки городской жизни. Отсюда мы слышали и рыночный спор над мерою пшеницы, и вой собаки, и брань сварливой бабы, и бой часов на башне и крик ночного сторожа.

В такой жаркий летний день в городе обыкновенно было тихо. Если бы мы не были так заняты своими собственными делами, то давно заметили бы первые признаки начинавшегося внизу волнения, шум которого уже явственно доносился до нас. Мы могли видеть в конце улицы часть дома Видама – мрачную квадратную постройку, доставшуюся ему в наследство от матери. Его родовой замок Безер находился далеко, во Франшконтэ, но последнее время (и Катерине, вероятно, лучше была известна причина этого) он почему-то отдавал предпочтение этому жалкому жилищу в Кайлю. Это был единственный, не принадлежавший нам, дом

в городе. Он был известен под названием «Волчьего логова» и представлял собой мрачного вида каменную постройку, окруженную двором. По сторонам его окон виднелись высеченные из камня волчьи головы, вечно скалившие свои зубы на противоположную церковную паперть.

Посмотрев в этом направлении, откуда и доносился до нас шум, мы увидели фигуру самого Безера, высунувшегося со смехом из окна. Причиной его веселости, как мы тотчас заметили, был всадник, подымавшийся не без труда по крутой улице. Он сдерживал свою лошадь и отбивался от небольшой кучки оборванцев, преследовавших его ругательствами и бросавших в него камнями и комками грязи. Человек этот обнажил свою шпагу, и до нас долетели его возгласы, смешавшиеся с пронзительными криками толпы: «Vive la messe!», наполювину заглушенные стуком копыт испуганной лошади. В эту минуту брошенный кем-то камень ударил его в лицо, которое покрылось кровью, и мы услышали громкие проклятия.

– О, мое письмо! – воскликнула Катерина с негодованием, сжимая свои руки. – Они отнимут у него мое письмо!

– Проклятие! – воскликнул Круазет. – Она права! Это посланный от мсье де Паван. Мы должны разогнать их, этого нельзя допустить, Ан!

– Они дорого заплатят за это, клянусь Пресвятой Девой! – воскликнул я. – Да еще в мирное время... Негодяи! Жиль! Франциск! – кричал я. – Сюда, ко мне!

Я кинулся искать мое ружье, между тем, как Круазет вскочил на выступ террасы и, приложив руки ко рту, кричал во всю мочь:

– Прочь! Он везет письмо от виконта!

Но эта попытка ни к чему не привела, а я не находил ружья.

С минуту мы были совсем бесполезны, и, прежде, чем я наконец вынес свое ружье из дома, всадник с преследующей его толпой повернули за угол и скрылись от взора за крышами домов. Но, сделав следующий поворот, они должны были уже приблизиться к воротам замка, и я поспешил вниз к подъездной дороге.

Я остановился на минуту, приказав Жилью собрать наших слуг, а Круазет в это время успел уже выйти на узенькую улочку. Я последовал за ним, но меня чуть не сшибла с ног испуганная лошадь со всадником, лицо которого было покрыто кровью и залеплено комьями грязи. Он ничего не мог видеть, и я отскочил в сторону, чтобы пропустить его. Тут я заметил, что Круазет – бравый мальчуган! – схватил за шиворот переднего из бродяг и колотит его эфесом своей шпаги. Между тем, как остальные остановились, несколько опешихшие, но глаза их метали грозные взгляды. «Опасный народ, – подумал я, – и большей частью не горожане».

– Долой гугенотов! – закричал один из них, показавшийся мне смелее других.

– Прочь вы, каналы! – крикнул я в ответ, окидывая гневным взором это разбойничье сборище.

– Как вы смеете нарушать королевский мир, презренные твари! Убирайтесь по своим конурам!

Едва были произнесены эти слова, как я увидел, что человек, на которого напал Круазет, выхватил кинжал. Я закричал, чтобы предупредить его, но было поздно. Лезвие опустилось, но, благодарение Богу, острие его ударилось о пряжку на кушаке мальчика и скользнуло в сторону, не причинив вреда. Я увидел и как сталь опять заблестела в воздухе... Злоба была написана в глазах этого человека, но не успел он вновь опустить оружие, как был пронзен насквозь острием моей шпаги. Он повалился, как сноп, увлекая за собой Круазета, за которого схватился коченеющими пальцами.

Я до тех пор никогда не убивал человека и не видел смерти, и мне, наверное, сделалось бы дурно, успей я тогда подумать о том, что сделал. Но думать было некогда. На нас напирала толпа с рассвирепевшими лицами. Опустив глаза, я увидел, что противник мой был мертв. Наступив ногою на труп, я закричал безумным голосом:

– Собаки! Сволочь! Прочь по своим норам! Разве вы смеете поднимать руку на Кайлю! Прочь, а не то по возвращении виконта дюжина из вас будет висеть на рыночной площади!

Должно быть у меня был свирепый вид. Страха я не чувствовал, а только незнакомое мне возбуждение овладевало моим существом. Они подались назад. Неохотно, заминаясь, но толпа стала расходиться. Последними были люди из шайки Безера, к числу которых принадлежал, как я догадался, и убитый мной человек. Я продолжал стоять неподвижно, устремив на них грозный взор, пока улица не опустела, и последний человек не скрылся за углом. Тогда я повернулся и увидел Жилья с полудюжиной наших слуг, с бледными лицами стоявших позади меня. Круазет схватил мою руку с рыданиями.

– О, сеньор! – воскликнул Жиль прерывающимся голосом. Но я взглянул строго на него и оттолкнул Круазета.

– Подымите эту падаль, – сказал я, прикасаясь к трупку ногой, – и повесьте его на этом дереве. Потом ворота на запор! И поворачивайтесь скорее!

Глава II. Угроза Видама

Впоследствии Круазет рассказывал мне целую историю о том, что делалось со мною в ту ночь, но сам я ничего не помню. Мне все это показалось страшным сном. Круазет уверял, что ночью я поднялся со своего места (как старший я спал один, а он с Мари вместе помещались на другом тюфяке в той же комнате), пришел к нему и, разбудив его, со слезами и дрожью во всем теле умолял не оставлять меня одного. Так я и проспал подле них до утра. Но, как я уже сказал, я ничего не помню из этого: мне показалось, что я видел какой-то страшный сон, и только по пробуждении я обнаружил себя на одном тюфяке с Круазет и Мари. Так что я не могу утверждать, случилось ли на самом деле все то, что он рассказывал.

Во всяком случае, если меня и мучила совесть, то это продолжалось недолго. Напротив, мне льстило то новое уважение, с которым теперь Жиль и другие слуги относились ко мне. Я не знаю, что думала Катерина о случившемся. Она получила свое письмо и, по видимому, успокоилась: мы ее почти не видели. Мадам Клод была занята приготовлением травяных отваров и лечением раненого посланца. Поэтому было совершенно естественно, что первенство в замке выпало на мою долю.

Не было сомнений (по крайней мере, мы были уверены в этом), что нападение на посланного с письмом было совершено по наущению самого Видама. Еще более удивительным казалось, что он просто не зарезал его, чтобы захватить письмо. Но, обращаясь назад к этому времени, мне кажется, что тогдашним людям нравилось вносить известную игривость в самые возмутительные зверства. Это было время религиозных войн, когда возбуждаются самые ужасные страсти. Казалось ничтожным лишь убить своего врага: с его головой играли, как с мячом (я ничего не прибавляю), а сердце его бросали собакам.

Без сомнения, Видаму с его зверским юмором пришла фантазия, чтобы принеся первое любовное письмо Павана явился к его невесте весь окровавленный и залепленный грязью. Свалка у наших ворот также входила в его план, как оскорбление нашему дому. Вряд ли на гнев Безера могли подействовать успокоительно развязка всей этой истории и заслуженное наказание, которому подвергся моей рукой один из его людей. Поэтому мы тщательно осмотрели все запоры, укрепления и окна, хотя замок был неприступен, так как стоял на скале, спускавшейся крутым обрывом на глубину двадцати футов от его фундамента. Ворота, как говорил нам Паван, можно было взорвать порохом, но мы сделали все приготовления, чтобы вовремя закрыть железную решетку, преграждавшую на середине подъездную дорогу. Если бы даже неприятелю и удалось ворваться через ворота, то он очутился бы в ловушке – узкой крутой дефиле, простреливаемой спереди и с боковых стен. У нас были две кулеврины, которые виконт захватил двадцать лет тому назад в битве при Сент-Квентине в качестве трофея. Мы поставили одну из них в конце подъездной дороги, а другую на террасе, откуда мы могли навести ее на дом Безера, находившегося теперь в нашей власти. В действительности мы не ждали нападения. Но мы также не знали, что могло случиться, и должны были подготовиться ко всему.

У нас не оставалось и десятка слуг, так как виконт взял около двадцати самых надежных людей с собой в Байону. На нас, таким образом, лежала громадная ответственность. Наша главная надежда заключалась в том, что Видам поспешит с отъездом в Париж и отложит Свое мщение, и потому время от времени мы бросали беспокойные взгляды на Волчье логово, ожидая увидеть какие-нибудь признаки скорого отъезда его хозяина. Я был страшно поражен, и все мои надежды разлетелись в прах, когда Жиль с испуганным лицом появился на террасе и объявил, что мсье де Видам у ворот и желает видеть мадемуазель.

– И думать нечего допускать его к ней, – добавил старый слуга, в раздумье почесывая голову.

– Без сомнения. Я сам выйду к нему, – отвечал я решительно. – Поставь Франциска с другим человеком у ворот, Жиль. А ты, Мари, будь поблизости. Круазет пусть останется со мной.

Все эти приготовления заняли одно мгновение, и я встретился с Видамом в начале описанного дефиле.

– Мадемуазель де Кайлю, – сказал я с поклоном, – к сожалению, не совсем здорова сегодня, Видам.

– Значит она не примет меня? – сказал он, взглянув на меня весьма неласково.

– Нездоровье лишает ее этого удовольствия, – отвечал я через силу.

Поистине это был удивительный человек – при виде его вся моя храбрость уходила куда то, должно быть в пятки.

– Значит она не желает принять меня. Хорошо, – повторил он, как будто и не слышал, что я сказал, и эти простые слова прозвучали точно смертный приговор. – Теперь, мсье Ан, я должен поговорить с вами. Какое удовлетворение намерены вы предложить мне за смерть моего слуги? Это был скромный, тихий человек, которого вы убили вчера. Бедняга только излишне увлекся своею преданностью истинной вере.

– Я убил его потому, что он поднял руку на мсье Сент Круа де Кайлю у самых ворот дома виконта, – отвечал я решительным тоном, будучи заранее подготовленным к этому ответу. – Вам известно, мсье де Безер, – продолжал я, – что виконту предоставлено право на жизнь и смерть всех живущих в этой долине?

– За исключением моего дома, – прибавил он спокойным тоном.

– Совершенно верно, но пока ваши люди находятся в стенах вашего дома, – возразил я. – Ибо наказание последовало неожиданно, и человек не имел времени покаяться, то я готов...

– Что?

– Заплатить отцу Пьеру за десять поминовений по его душе.

Я был страшно поражен тем неожиданным впечатлением, которое произвели мои слова. Видам разразился громким смехом.

– Клянусь Пресвятой Девой, любезный друг, – воскликнул он, продолжая смеяться, – уж и потешили вы меня! Вот так шутник! Поминовения? Да ведь убитый был протестантом!

Последние слова поразили меня более всего. Казалось, этот человек с его кощунственным смехом совсем не походил на прочих людей. При выборе своих приспешников он не сообщался с их верой. Он знал, что по его приказу гугенот будет готов убить своего единоверца, а католик – закричать: «Да здравствует Колиньи!». Я был так ошеломлен его словами, что не находил ответа, и меня выручил находчивый Круазет, сказав:

– Как же объяснить, мсье де Видам, его преданность истинной вере?

– Истинная вера для моих слуг, – отвечал тот, – моя вера. Потом у него, по видимому, блеснула новая мысль.

– А что важнее всего, – продолжал он медленно, – не пройдет и десяти дней, как в этом убедятся многие тысячи. Запомните мои слова, мальчуган! Это вам пригодится. А теперь вот что, – продолжал он своим обычным тоном, – я не прочь сделать приятное соседу. Я не желал доставлять вам беспокойство, мсье Ан, из-за моего канала, но мои люди будут ждать какого-нибудь вознаграждения. Выдайте мне эту зловредную тварь, бывшую причиной всей свалки, чтобы я мог его повесить. Тогда мы будем квиты.

– Это невозможно, – отвечал я с напускным хладнокровием, ибо для меня было ясно, кого он подразумевал.

Разве я мог выдать посланца Павана! Никогда!

Он взглянул на меня, по видимому, совершенно равнодушно, но с такой улыбкой, от которой я почувствовал себя весьма неловко.

– Не придавайте большого значения одному удачному удару, молодой сеньор, – сказал он шутливо, покачивая головой. – В ваши годы мне пришлось драться уже с дюжину раз. Однако, должен ли я понимать, что вы отказываете мне в удовлетворении?

– Предлагаемым вами способом – конечно, – отвечал я. – Но...

– Однако! – воскликнул он с грубой насмешкой, – дело прежде всего! Безер, конечно, получит свое удовлетворение и в свое время, будьте уверены в этом. И, конечно, не от такого неоперившегося цыпленка... Это к чему? – ткнул он ногой стоявшую на террасе кулеврину, незамеченную им раньше. – Вот что! Понимаю, – продолжал он, бросив на нас проницательный взгляд. – Вы ждали осады! Эх, вы, ротозеи! Вы и забыли, что из вашей кухни идет спуск над крышею лавки старого Фрэти! Я готов прозакладывать себя, что он открыт! Неужто вы воображаете, что я подступил бы с этой стороны, пока найдется хоть одна лестница в Кайлю! Уж не воображаете ли вы, что старый волк превратился в барана?

С этими словами он повернулся к нам спиной и удалился с гордым, торжествующим видом. Он мог торжествовать! Мы стояли, как пораженные громом, стыдясь взглянуть друг другу в лицо.

Разумеется, спуск был открыт. Вспомнив теперь об этом, мы были до того уничтожены сознанием его превосходства, что я даже забыл проводить его до ворот, как того требовала вежливость. Мы поплатились за это впоследствии.

– Это сам воплощенный дьявол! – воскликнул я с негодованием, ходя в своем нетерпении взад и вперед и потрясая кулаками в направлении Волчьего логова. – Мне кажется, я ненавижу его еще пуще прежнего!

– Я также, – сказал Круазет спокойно. – Но гораздо важнее то, что он нас тоже ненавидит. Во всяком случае, следует закрыть спуск.

– Постой минутку, – отвечал я после нескольких новых проклятий по адресу нашего посетителя, когда Круазет собрался уходить, чтобы распорядиться этим. – Посмотри ка, что там делается внизу.

– Честное слово, ведь он, кажется собирается покинуть нас! – воскликнул Круазет.

Внизу действительно слышался шум лошадиного топота по мостовой. Несколько всадников выезжали из ворот Волчьего логова, и в чистом утреннем воздухе до нас доносились звуки их голосов и бряцание уздечек. Последним выехал лакей Безера, фигура которого была нам знакома. Через седло его была перекинута пара туго набитых дорожных мешков, при виде которых мы не могли удержаться от радостного восклицания.

– Он уезжает, – пробормотал я, едва доверяя своим глазам. – Он уезжает!

– Подожди, – отвечал сухо Круазет.

Но я был прав. Нам не пришлось долго ждать. Он действительно уезжал. Вскоре мы увидели его самого: он сидел на сильной серой лошади, и у его седла виднелись кобуры с пистолетами. Его мажордом бежал около, выслушивая последние приказания. Калека, привлеченный этою суетою, покинул свое обычное место у церковной паперти и протянул руку за милостыней. Видам, проезжая мимо, зверски хлестнул его плетью по лицу, и до нас донеслись его ругательства.

– Будь он проклят! – воскликнул в праведном негодовании Круазет. Я не сказал ничего, вспомнив, что этот нищий пользовался особым покровительством Катерины. В памяти моей всплыл случай, бывший незадолго до того, когда в бытность виконта дома, у нас устроилась большая соколиная охота на пари. Безер и Катерина ехали тогда вместе по улице: при этом Катерина подала нищему монету, а Безер швырнул ему весь свой выигрыш.

Сердце мое сжалось при этом воспоминании. Но ненадолго. Он все таки уехал или собирался уехать. Мы оставались неподвижны, устремив глаза по направлению маленькой кавалькады из семи всадников, двигавшейся к северу по белой дороге, и продолжая следить за ними,

перекидываясь временами словом другим, пока наконец движение их не замедлилось, и они не стали подниматься по крутой горной дороге в Кагор, а затем и в Париж.

С радостными возгласами – с Круазетом во главе, мы бросились через террасу и двор в одну из внутренних комнат замка, куда вбежали, едва переводя дух.

– Он удрал! – закричал громко Круазет.

– Он поехал в Париж, и пусть его преследуют всякие неудачи!

При этом мы подбросили в воздух шляпы и испустили торжествующий вопль, но ожидаемой поддержки со стороны присутствующих дам не последовало. Когда мы подняли упавшие шляпы и посмотрели несколько сконфуженно на Катерину, она, вся бледная, глядела на нас полными презрения глазами.

– Глупые вы, глупые, – только и сказала она.

Этого было достаточно, чтобы уничтожить меня. Я ожидал, что лицо ее прояснится при нашем известии, но вместо того, оно носило незнакомое мне доселе выражение. Эта добрая, кроткая Катерина назвала нас дураками! И безо всякой к тому причины! Я ничего не мог тут понять и в своем смятении обратился к Круазету. Он же смотрел на Катерину испуганными глазами, а мадам Клод вообще плакала тихонько в своем углу. Меня охватило тяжелое предчувствие предстоящей беды.

– Глупые, – повторила наша кузина с горечью в голосе, нервно ударяя носком башмачка по паркету. – Уж не думаете ли вы, что он мог унизиться до мщения вам? Или, что он мог бы повредить мне, оставшись здесь, на одну сотую долю против того как... – тут она остановилась, как будто не находя слов для выражения своего презрения.

– О! Он мужчина! Он понимает! – воскликнула она, гордо поднимая голову. – А вы что – мальчишки! Разве вы можете это понять!

Я смотрел, пораженный, на эту разгневанную маленькую женщину. Трудно было представить, что это наша кузина. А Круазет, сделав шаг вперед тем временем, поднял что-то белое, валявшееся у ее ног.

– Да, прочтите это! – воскликнула она. – Прочтите! О! – и она с таким безудержным гневом ударила своей рукой по столу, что кровь показалась у нее на пальцах.

– Зачем вы не убили его? Зачем вы не пользовались случаем? Ведь вас было трое против одного! – почти шипела она.

– Он был в вашей власти! Вы могли убить его, но не сделали этого! Теперь он убьет меня!

Мадам Клод в это время тихим голосом произносила имя Павана, призывая всех святых.

Через плечо Круазета я прочитал письмо. Оно начиналось так, без всякого обращения: «У меня есть неотлагательное дело в Париже, мадемуазель, касающееся столько же вас, как и меня: я должен увидеть Павана. Он отдал вам свое сердце. Оно принадлежит вам, и я доставлю его вам по принадлежности. Или его правую руку, которую он также отдал вам... В этом я ручаюсь своим словом».

Письмо было без подписи, и написано какой-то красной жидкостью. Может быть кровью... Какая низкая, жалкая выходка! На адресе было написано грубым почерком «Мадемуазель де Кайлю», и стояла печать с гербом Видама – волчьей головой.

– Негодяй! Презренный негодяй! – вскричал Круазет.

Он первым прочел письмо и понял его смысл. Глаза его наполнились слезами, но это были слезы гнева.

Страшное негодование охватило и меня. Я был весь как в огне, поняв всю безграничную жестокость этого низкого человека, способного так мучить невинную девушку.

– Кто доставил это письмо? – закричал я громовым голосом. – Кто подал его мадемуазель? Как оно попало ей в руки? Отвечайте же!

Одна из горничных со слезами пролепетала, что письмо дал ей Франциск для передачи мадемуазель. Я заскрежетал зубами, а Мари вышел из комнаты, чтобы найти Франциска, а заодно и стремянный ремень.

Видам, без сомнения, захватил это письмо с собой, будучи в уверенности, что его не допустят до свидания с моей кузиной. Уходя один через ворота, он решил воспользоваться представившимся случаем и, наверное, отдал послание Франциску, прибавив к нему какую-нибудь мелкую монету, чтобы тот доставил его по назначению.

Мы молча переглянулись с Круазетом, сообразив все это.

– Он будет ночевать сегодня в Кагоре, – сказал я мрачно.

– Я так не думаю, – тихо отвечал он, отрицательно качая головой. – У него свежие лошади, и мне кажется, он будет продолжать путь. Он привык скоро путешествовать. А теперь, когда...

Я кивнул, хорошо понимая, что он хотел сказать далее.

Катерина опустилась на стул, склонив голову на руки, беспомощно распростертые на столе. Но услышав эти последние слова, или под влиянием какой-то новой мысли, она вскочила на ноги в совершенном отчаянии. Лицо ее подергивалось, фигура сгорбилась, как будто она испытывала физическое страдание.

– О, я не могу долее выносить этого! – простонала она. – Неужто никто ничего не сделает? Я сама поеду за ним! Я скажу ему, что откажу Павану! Я сделаю все, все, что он захочет, только бы он пощадил его!

Круазет с рыданиями выбежал из комнаты. Для нас были просто невыносимы страдания молодой девушки, но мы не могли ничем ее успокоить, прекрасно понимая ту ужасную угрозу, которая заключалась в письме. Под влиянием междоусобных войн и религиозной вражды, а может быть и благодаря господству итальянских взглядов, соотечественники мои превратились в диких зверей. Творились еще более ужасные дела, чем те, какими угрожал Безер, и все это сходило безнаказанно. Но выдумать такое, по истине дьявольское мщение, предметом которого была беззащитная любящая женщина, по моему мнению, мог только один Рауль де Безер.

Мадам Клод поднялась со своего места и, обняв руками за шею Катерину, подала при этом мне знак, чтобы я удалился. Я пошел по направлению к террасе, встретив по дороге несколько испуганных слуг. Мне казалось, что только там я смогу дышать свободно.

Там я нашел Мари и Круазета, молчаливых и со следами слез на лицах. Глаза наши встретились, и мы без слов поняли друг Друга.

– Когда? – произнесли мы все разом, причем братья вопросительно взглянули на меня.

Это заставило меня несколько придти в себя, и, подумав немного, я отвечал решительно:

– Завтра на рассвете. Теперь уже час пополудни. Нам нужны деньги и лошади. Через час все это будет здесь, и мы, пожалуй, успели бы попасть в Кагор к вечеру, но тише едешь – дальше будешь. Выедем завтра на рассвете.

Они только кивнули головами в знак согласия.

Мы задумали большое дело: отправиться в отдаленный, незнакомый нам Париж, разыскать там мсье де Павана и предупредить его о грозившей опасности. Мы должны были спешить наперегонки с Видамом во имя спасения жизни жениха Кит. Если б мы доехали до Парижа ранее Безера ила даже вместе с ним, то успели бы в первые сутки предупредить Павана. Нашею первой мыслью было взять с собой сколь можно более народа, чтобы при первом удобном случае совершить нападение на Безера и убить его. Но люди, оставленные виконтом с нами в замке в виду мирного времени и отсутствия какой-либо опасности по соседству, далеко не отличались храбростью. У Безера же была подобрана шайка самых отчаянных швейцарских кондотьеров, готовых на все, подобно своему хозяину. Поэтому мы решили, в конце концов, что будет благоразумнее ограничиться одним предупреждением Павана, и, в случае надобности, сражаться вместе с ним против общего врага.

Мы могли бы еще отправить гонца. Но все наши слуги, за исключением Жилия – слишком старого для такого путешествия, не имели никакого понятия о Париже. Да и никому из них нельзя было доверить столь серьезное поручение. Мы подумали было о посланце Павана, но он был уроженцем Рошеля и, будучи посланным с полдороги, никогда не бывал в столице. Так что нам ничего не оставалось, как ехать самим.

Я помню, что мы решились на это предприятие не без глубокого раздумья. Париж смутно представлялся нашему воображению громадным городом, полным всяких опасностей. Треволнения придворной жизни не привлекали нас. Подобно всем, выросшим в провинции, нас приводило в трепет само столкновение с большим светом и, как вообще бывает с молодежью, нас пугала мысль, что мы не будем походить на других. Мы задумали опасное предприятие, и нам делалось страшно. Если бы могли только предвидеть, что ожидает нас впереди, то нам было бы еще страшней.

Но мы были молоды, и к чувству страха примешивалась известная доля приятного возбуждения. Мы пускались в опасное путешествие подобно древним странствующим рыцарям, и нам представлялся случай заслужить наши шпоры. Нам предстояло увидеть большой свет и разыгрывать роль взрослых людей! Мы спасали своего друга и делали счастливой молодую девушку, которой поклонялись.

Сделав все необходимые распоряжения, мы ничего не сказали Катерине или мадам Клод, поручив Жилию сообщить им обо всем только после нашего отъезда. Мы также позаботились, чтобы о нашей поездке немедленно дали знать виконту в Байону и внушили Жилию необходимость запираить ворота до нашего возвращения и следить за кухонным спуском. Только после всего этого мы вспомнили о своих постелях, но сердца наши сильно бились от волнения, и мы долго не могли сомкнуть глаз.

– Ан! Ан! – позвал Круазет, приподнимаясь на локтях, часа через три после того, как мы улеглись. – Как ты думаешь, что подразумевал Видам, когда говорил сегодня утром о сроке в десять дней?

– Какие десять дней? – спросил я сердито, ибо Круазет разбудил меня, когда я только начал засыпать.

– Он говорил, что через десять дней все увидят – чья вера истинная.

– Право, я не знаю. Ради Бога, не мешай мне спать, – отвечал я, выведенный из терпения болтовней Круазет.

Ведь у нас на уме было такое серьезное дело!

Глава III. По дороге в Париж

Солнце еще не поднялось над холмами, когда мы в сопровождении одного слуги были уже в конце долины, и, приготавливаясь к подъему, придержали лошадей, обернулись и бросили последний взгляд на Кайлю – на серые, нагроможденные друг на друга, постройки маленького городка с поднимающимися над ними башнями. Тревожные мысли вновь на время овладели нами. Нам предстояли серьезные испытания, ибо времена были беспокойные. Но юность и свежий ветер скоро разгоняют заботы. Выбравшись на возвышенность, мы веселым галопом скакали то через широкие прогалины в редком дубовом лесу, где деревья тянули свои ветви, словно руки, в одном направлении, то по голым равнинам, где разгуливал ветер. Иногда мы спускались на дно мелового оврага, где в густых зарослях папоротника журчал ручеек или в роще уютилась какая-нибудь одинокая ферма.

После четырехчасовой езды мы увидели перед собой на повороте реки Кагор. Проскакав по Валандрийскому мосту, перекинутому здесь через Ло, мы остановились у постоянного двора на городской площади, где обыкновенно останавливался наш дядя. Мы заказали себе завтрак и объявили с гордостью хозяину, что едем в Париж, на что он всплеснул руками:

– Экое горе! – воскликнул он с сожалением в голосе. – Будь вы здесь вчера, вы могли бы продолжать путь вместе с Видамом де Безер. Ведь, простите, ваши сиятельства, вас немного, а дороги теперь похвалить нельзя!

– Но с Видамом было только шесть человек! – отвечал я, небрежно постегивая хлыстом по сапогам.

Хозяин покачал головой:

– О, мсье Видам знает мир! – сказал он с лукавым взглядом. – Он не попадет впросак! Один из его людей шепнул мне, что к ним присоединятся еще двадцать бравых молодцов в Шатору. Говорят, что война кончилась, но... – и добрый человек при этом пожал плечами и бросил выразительный взгляд на несколько превосходных окороков, коптившихся в устье громадного камина. – Но, конечно, вашим сиятельствам все это известно лучше меня, – прибавил он скороговоркой. – Я маленький человек, и я только желаю жить в мире с моими соседями, независимо от того, куда они ходят: к обедне или на проповедь.

Подобные рассуждения были столь обычным явлением в те времена среди состоятельных людей, как в городах, так и в провинции, что мы не высказали при этом никакого мнения. Но, подкрепив свои силы и заручившись содействием почтенного человека в Лиможе для перемены лошадей, мы тронулись в дальнейший путь не без глубокого раздумья.

Свита в двадцать шесть человек, за исключением тех случаев, когда путешествовали дамы, казалась в это время чем-то необычным, даже для самого Безера, у которого было много врагов.

Очевидно, кроме уже известного нам, у Безера был в голове какой-то другой план. Тут наши догадки останавливались, ибо распоряжение о подкреплении из Шатору было, очевидно, сделано им, когда он еще ничего не знал о предстоящей свадьбе Катерины. Правда, чувство ревности могло пробудиться в нем задолго до этого, или задуманное нападение на Павана составляло только часть другого, более обширного, плана. Во всяком случае, поездка наша представлялась теперь еще более спешною, а шансы на ее успешное завершение уменьшились.

Зрелище дороги и разнообразные живописные сцены, встречавшиеся в пути, все это большей частью новое для нас, не давало сосредоточиться на грустных мыслях. Все обращало на себя наше внимание: будь то хорошенькая девушка, отставшая от цыганского табора, или оборванный солдат, безразлично дравшийся по желанию господ на той или другой стороне, или пара бродяг, бредущих из Валенсии (они называли себя «жонглерами») и распевавших песни на прованском диалекте, или нормандский барышник с длинною вереницей лошадей,

или вершины Пюи де Дома, поднимавшиеся над овернскими холмами на востоке – созерцание всего этого доставляло нам удовольствие.

Однако, мы никогда не забывали цели нашей поездки. Мы, часто разбитые и измученные дорогой, никогда не поднимались утром, чтобы первой мыслью не было: «Вот завтра или послезавтра (в зависимости от дня) мы устраним беспокойство Кит». Да, все это было ради одной Кит, и вряд ли нам пришлось испытать в другой раз такое чистое чувство высокого энтузиазма и самопожертвования!

По пути мы почти не встречали знатных путешественников. Чуть ли не половина французского дворянства была в Париже на праздниках по случаю королевской свадьбы, так что мы не испытывали затруднения в перемене лошадей. Хотя до нас и доходили предупреждения, что дороги не безопасны из-за множества распушенной после войны солдатчины, но мы еще ни разу не были остановлены и не подвергались каким-нибудь неприятностям в пути.

Я не намерен пересказывать все события первого моего путешествия, хотя и вспоминаю о нем с удовольствием, или передавать все впечатления от городов, через которые мы проезжали. Достаточно будет указать на Лимож, Шатору и Орлеан, и что в Шатору нам пришлось испытать горькое разочарование в одной из наших надежд. Мы ожидали, что у Безера при соединении подкрепления в Шатору будет задержка в перемене лошадей, и что поэтому, двигаясь быстрее, мы сможем нагнать его и даже проскользнуть раньше его в Париж. Но в Шатору мы узнали, что люди его ранее получили приказание следовать вперед, в Орлеан, и ждать его там, так что он мог продвигаться вперед до этого города без задержки. Он явно спешил, потому что, выехав из Орлеана на свежих лошадях, достиг в полдень того же дня Ангервиля, находившегося в сорока милях от Парижа, и, не останавливаясь, двинулся далее, между тем как мы добрались туда только к вечеру шестых суток после выезда из Кайлю.

Мы въехали на большой постоялый двор, который казался еще больше благодаря сумеркам, до того измученные, что едва были в состоянии слезть со своих седел. Наш слуга Жан взял в повод четырех лошадей и повел их в конюшню. Несчастные, измученные животные, понуриив головы, покорно следовали за ним. Некоторое время мы переминались с ноги на ногу, расправляя одеревеневшие члены. Вокруг же все было полно движения и суеты. Из открытого окна над воротами доносился звон посуды, мелькали огни и слышались торопливые шаги людей, бежавших по коридорам. Полумрак двора рассеивали два только что зажженных фонаря. В одном из углов его двое кузнецов подковывали лошадь.

– Они говорят, что нашим лошадям нет места, – объявил возвратившийся Жан, почесывая голову с недовольно сконфуженным видом провинциального слуги.

– Да и нет! – крикнул один из собравшейся перед нами кучки чьих-то слуг.

Слова эти были произнесены нахальным тоном, а прочие заметно были расположены поддержать его. При свете стоявшего на земле фонаря я мог разглядеть, что все они носили значки одного хозяина.

– Послушайте, – сказал я строго, – конюшни большие, они не могут быть заняты только вашими лошадьми. Вы должны найти место и для моих.

– Конечно! «Дорогу королю!»! – отозвался он, между тем как другой закричал:

– Vive le roi!

Прочие подняли смех, в котором звучали зловещие ноты. Ссоры между господской прислугой были так же часты тогда, как и теперь, но хозяева редко вмешивались в них, представляя челяди путем драки разобраться между собою. Но здесь бедному Жану пришлось бы плохо, так что мы должны были поневоле вмешаться.

– Берегитесь, чтоб вам не пришлось плохо, – продолжал я, удерживая Круазета, ибо здесь совсем было нежелательно повторение истории, бывшей в Кайлю. – Если только ваш господин приятель виконта де Кайлю, которому принадлежат лошади, то вы попадете в беду.

Мне послышалось, что при этом были произнесены вполголоса слова «paregot» и «долой Гизов». Но говоривший перед тем лишь прокричал несколько раз «Ку ка ре ку!» и захлопал руками, словно крыльями.

– Вот так задорный петух! – обратился он в том же тоне и с усмешкою к своим товарищам, ожидая их поощрения.

Меня разбирала охота наказать этого нахала, хотя я и опасался серьезных последствий, когда на сцене появилось новое действующее лицо.

– Стыдитесь, звери! – послышался сверху, словно из облаков, чей-то звонкий голос.

Я поднял глаза и увидел в освещенном окне над конюшней двух красивых, хотя и грубоватого вида, девушек.

– Стыдитесь! Разве вы не видите, что это дети? Оставьте их в покое, – крикнула опять одна из них.

Толпа засмеялась пуще прежнего, а я уж совсем вышел из себя, когда меня при всех назвали ребенком.

– Сюда! – воскликнул я, обращаясь к оскорблявшему меня человеку, стоявшему в воротах. – Иди сюда, каналья, и я покажу тебе, как следует разговаривать с господами!

Но из толпы выдвинулся громадный человек куда выше меня и дюймов на шесть шире в плечах. При одном взгляде на него сердце мое сжалось. Но делать было нечего. Хотя я был худощав, но ловок, как борзая собака, а в своем раздражении совсем позабыл об усталости. Я выхватил у Мари тяжелый хлыст и сделал шаг вперед.

– Берегись, малютка! – закричала шутливым тоном, но не лишенным жалости, та же девушка сверху. – Эта толстая свинья убьет тебя!

Мой противник не присоединился к общему смеху. Я заметил, что глаза его забегали, и он не обнаруживал никакого желания вступить со мной в единоборство. Но прежде, чем мне пришлось испытать его мужество, чья-то рука опустилась на мое плечо. Внезапно появившийся из задних рядов толпы человек отстранил меня.

– Оставьте его мне, – сказал он спокойно, выступая вперед. – Не стоит вам пачкать руки об эту каналью. Я скучаю от безделья, и эта работа как раз подойдет мне! Я живо сделаю из него корм для червей, раньше, чем монашки наверху успеют прочитать «Ave»!

Я взглянул на незнакомца. Это был плотный, среднего роста человек со смуглым лицом и резкими чертами. Перо на его шляпе было сломано, сама шляпа была надета набекрень, и вообще он имел такой внушительно отчаянный вид, что когда, звякнув шпорами, он вытащил из ножен свою длинную шпагу, то первые из толпы попятились назад.

– Выходи! – закричал он громовым голосом, размахивая шпагой и таким образом расчищая место, причем сверкающий клинок кинжала в его левой руке очерчивал круги над его головой. – Кто участвует в игре? Кому охота обменяться ударом в честь «маленького адмирала»? Выходите двое, трое сразу, а то и все вместе! Один черт, выходите же... – и он закончил свой вызов целым потоком страшных ругательств, обращенных к стоявшим напротив.

– Эта ссора тебя не касается, – пробурчал верзила, пятясь назад и не выказывая ни малейшего намерения применить свое оружие.

– Все ссоры касаются меня, но видно ни одна не касается тебя! – был ловкий ответ нашего защитника, сопровождаемый игривым выпадом, заставившим нахала отскочить в сторону.

При этом засмеялись даже его сообщники.

– У, жирная свинья! Плевать мы на тебя хотели! – воскликнула сверху девушка и действительно плюнула на совершенно опешившего громилу.

– Не принести ли вам кусочек его мяса, моя милая? – продолжал наш новый галантный приятель, размахивая кинжалом у самого носа струсившего наглеца. – Только маленький кусочек, моя дорогая? – продолжал убеждать он. – Чутьочку печенки с каперсовым соусом?

– Не хочу я этой гадости! – воскликнула девушка среди общего смеха.

– Ни одного кусочка? Даже если я отвечаю за нежность мяса? Это будет вполне подходящая закуска для дам!

– Нет уж! – и она решительно повторила плевком.

– Слышишь, ты противен дамам, гасконская свинья!

После этого он вложил в ножны свой кинжал и, схватив за ухо верзилу, быстро развернул его и дал ему такого пинка, что тот, зацепив ведро, отлетел к стене. Там он и оставался, посылая проклятия и потирая ушибленные места, между тем как победитель воскликнул с торжеством:

– Хватит с него! Если найдутся желающие продолжить поединок, то Блез Бюре к их услугам. Если нет – пора закончить это. Пусть кто-нибудь отыщет стойла для лошадей этого господина – они совсем прозябли, и конец делу. Что касается меня, – продолжал он, обращаясь к нам и грациозным жестом снимая свою помятую шляпу, – то я покорный слуга ваших сиятельств.

Я горячо поблагодарил его, хотя и был поражен его видом. Плащ его был в лохмотьях, спускавшиеся до колен панталоны, когда-то очень красивые, теперь были покрыты грязью, а кружева все оборваны. Он выступал с забавной гордостью и имел вид предводителя шайки кондотьеров. Но, тем не менее, он оказал нам услугу, и Жан был избавлен от всяких дальнейших хлопот с лошадьми. Кроме того, нельзя не уважать храбрость, а он без сомнения был храбрецом.

– Вы ведь из Орлеана, – сказал он довольно вежливо, но скорее утвердительно, а не в виде вопроса.

– Да, – отвечал я, немало удивленный. – Разве вы заметили откуда мы подъехали?

– Нет, но я посмотрел на ваши сапоги, господа, – отвечал он. – Если на них белая пыль, то их хозяева приехали с севера, красная пыль – с юга. Видите теперь?

– Да, я вижу, – сказал я с изумлением. – Вы прошли должно быть строгую школу, мсье Бюре.

– У строгих учителей бывают сметливые ученики, – отвечал он с усмешкой, и ответ этот мне пришлось припомнить впоследствии.

– Ведь вы также из Орлеана? – спросил я, когда мы собрались идти в дом.

– Да, также из Орлеана, господа, но раньше вас. Я везу письма, весьма важные письма, – сказал он с таким видом, как будто удостаивал нас своим доверием, потом он гордо выпрямился, бросил строгий взгляд на прислугу у конюшни, похлопал себя несколько раз по груди и, в заключение всего, закручивая свои усы, подмигнул девушке, жевавшей у окна соломинку.

Я опасался, что нам будет трудно отделаться от него, но оказалось наоборот. Он с видимым удовольствием выслушал вторичное выражение нашей признательности, поклонился нам, как и прежде сильно взмахнув шляпой, и удалился с важным видом испанца, напевая известную тогда песенку:

– *Ce petit homme tant joli!*
Où toujours cause et toujours rit,
Où toujours baise sa mignonne,
Dieu gard' de mal ce petit homme!

При входе нас встретил хозяин гостиницы и с видимым любопытством, написанным на лице, спросил нас, потирая руки и низко кланяясь:

– Из Парижа, сеньоры, или с юга?

– С юга, – отвечал я, – из Орлеана, голодные и усталые, хозяин.

– А! – воскликнул он, пропуская мимо ушей последние слова, и удовольствие засветилось в его маленьких глазках. – Вы верно не знаете последней новости, – при этом он остановился в узком коридоре, которым мы шли, и высоко поднял лампу, желая увидеть выражение наших лиц.

– Новости?! – отвечал я недовольным тоном, мучимый усталостью и голодом. – Мы ничего не слышали, и самой лучшей вестью для нас теперь будет сообщение, что для нас готовится ужин.

Но даже и этот мой ответ не охладил его желания поскорее сообщить нам свою новость.

– Адмирал де Колиньи, – сказал он, едва переводя дух от волнения, – разве вы не слышали, что с ним случилось?

– С адмиралом? Нет, а что такое? – спросил я быстро, заинтересовавшись наконец его известием.

Но здесь я должен сделать небольшое отступление от своего рассказа. Некоторые из моих сверстников припомнят, а молодежь, быть может, слышала от других, что в это время всею Францией управляла итальянка королева-мать. Главной целью Катерины Медичи было сохранить влияние на сына – бесхарактерного и слабого Карла IX, уже тогда приговоренным к ранней могиле. Второй ее задачей было сохранение престижа королевской власти путем уравнивания сил двух враждующих партий – гугенотов и католиков, в виду этого она заигрывала то с одной, то с другой партией. В данный момент она удостаивала особым вниманием гугенотов. Их предводители, адмирал Гаспар де Колиньи, король Наваррский и принц Конде, явно пользовались большим расположением с ее стороны, между тем как вожаки другой партии – герцог Гиз и два кардинала из его дома, Лоррен и де Гиз, были в опале. Даже их сторонник при дворе – сын королевы, Генрих Анжуйский, по видимому, не в состоянии был склонить ее на сторону последних.

Таково было видимое положение вещей в августе 1572 г., но ходили слухи, что Колиньи, воспользовавшись своим новым назначением при дворе, удалось приобрести такое влияние над молодым королем, что даже грозила опасность и самой Катерине Медичи. Поэтому адмирал, на которого гугенотская часть Франции смотрела как на своего вождя, был в это время предметом особенного внимания для всех. Партия Гизов, считавшая его убийцей герцога Гиза, ненавидела его, пожалуй, еще с большей силой, чем сила той привязанности, которую питали к нему его друзья и сторонники.

Тем не менее, многие и не из числа гугенотов относились к нему с большим уважением, как к Великому Французу и храброму воину. В нашей семье, хотя мы и придерживались старинной веры и принадлежали к другой партии, мы часто слышали о нем много хорошего. Виконт всегда отзывался о нем как о великом человеке, хотя и заблуждавшемся, но мужественном, честном и даровитом, несмотря на все его ошибки. Поэтому, когда наш хозяин произнес его имя, я позабыл даже о своем голоде.

– В него стреляли вчера, сеньоры, в то время, как он проезжал по улице Фосс, – проговорил он вполголоса. – Пока неизвестно, выживет ли он. Весь Париж в волнении, и многие опасаются беспорядков.

– Но кто же осмелился напасть на него? – спросил я с некоторым сомнением. – Ведь у него была охранная грамота от самого короля.

Хозяин наш ничего не ответил на это, а только пожал плечами и, открыв дверь, ввел нас в общую столовую.

Здесь уже были сделаны некоторые приготовления на одном конце большого стола для нашего ужина. На другом конце сидел пожилой человек в богатом, но незамысловатого покроя костюме. Его большая голова с коротко остриженными волосами и решительное, серьезное лицо с массивными челюстями и глубокими морщинами – все это внушало почтение, независимое от его одежды. Мы поклонились ему, занимая свои места. Он ответил на наше приветствие, бросив на нас проницательный взгляд, и принялся опять за свой ужин. Я заметил, что его шпага с перевязью была прислонена к ручке кресла, а на столе подле него лежал заряженный пистолет. Два лакея стояли за ним и носили на своих ливреях такой же значок, какой я заметил на прислуге во дворе.

Мы разговаривали вполголоса, чтобы его не беспокоить. Нападение на Колиньи, если только это известие верно, имело для нас большое значение. Если уж такому знаменитому гугеноту, пользовавшемуся расположением короля, могла угрожать опасность в Париже, то каким же опасностям там подвергался Паван! Мы надеялись найти город в полном спокойствии. Что если там уже начались смуты... Все это в пользу Безера, и тем меньше шансов на успех дела бедной Кит.

Наш сотрапезник между тем закончил свой ужин, но продолжал сидеть за столом, поглядывая на нас с явным любопытством. Наконец он заговорил.

– Едете в Париж, молодые сеньоры? – спросил он резким повелительным тоном.

Мы отвечали утвердительно.

– Завтра? – спросил он опять.

– Да, – отвечали мы, ожидая, что он будет продолжать разговор.

Но он вместо этого впал в глубокое молчание, устремив неподвижный взгляд на стол. Занятые едой и разговором, мы уже почти забыли о его присутствии, когда, подняв глаза, я был поражен, увидев его у моего кресла. Он держал в руках клочок бумаги. Я вздрогнул – такое у него было серьезное лицо. Но, заметив, что в комнате появилось еще несколько других посетителей более скромного звания, я догадался, что он хотел сообщить нам что-то по секрету, и поспешил взять у него бумажку, на которой было написано только три слова: «Va chasser l'Idole». Я взглянул на него вопросительно, ничего не понимая. Вслед за мной Сент Круа с тем же результатом глубокомысленно изучил записку. Мари ее и нечего было передавать.

– Вы не понимаете? – сказал незнакомец, положив записку в мешочек, висевший на его поясе.

– Нет, – отвечал я, качая головой.

В знак уважения мы поднялись со своих мест и стояли теперь вокруг него.

– Значит нечего опасаться, – отвечал он, посмотрев на нас вполне добродушно. – Нечего. Поезжайте своей дорогой. Но у меня есть сын там... Немного моложе вас, сеньоры. И если бы вы поняли, я сказал бы вам: «Вернитесь назад». И без того достаточно овечек для стрижки.

С этими загадочными словами он повернулся и хотел уйти, но Круазет прикоснулся к его руке.

– Позвольте спросить, – сказал в волнении мальчик, – правда ли, что вчера был ранен адмирал Колиньи?

– Это правда, – отвечал он, обращая свои печальные глаза на мальчика, и в них мелькнуло ласковое выражение. – Это правда, дитя мое, – продолжал он каким-то торжественным тоном. – Господь часто испытывает своих избранных. Да простит мне Бог эти слова, и часто лишает рассудка тех, кто обречен Им на смерть.

И опять ласка засветилась в его взгляде, брошенном на Круазета: мы с Мари были смуглы и казались грубыми рядом с этим малышом. Затем незнакомец отвернулся и с каким-то странным возбуждением стукнул об пол своею тростью с золотым набалдашником. Резким голосом он окликнул своих лакеев, один из которых понес перед ним два подсвечника, а другой – пистолет, и, как нам показалось, несколько рассерженный вышел из комнаты.

Когда я спустился вниз рано утром, первым я встретил Блеза Бюре. Он имел вид еще более разбойничий и обтрепанный, чем при вечернем освещении. Но он вежливо поклонился, что отчасти расположило меня в его пользу, ибо с другими он вежливостью не отличался. Так всегда бывает: чем злее собака, тем более мы ценим ее внимание.

Я спросил его, кто такой был дворянин гугенот, ужинавший вместе с нами (то, что он был гугенотом, не подлежало сомнению).

– Барон де Рони, – отвечал он, прибавив с насмешкою: – Это осторожный человек! Если б они все были похожи на него – с глазами на затылке и заряженным пистолетом в руке... ну

тогда, сеньор, был бы еще один лишний король во Франции или другого не хватало бы. Но они слепы, как летучие мыши.

Он пробормотал что то еще, и я смог разобрать слова: «сегодня ночью». Но в целом я плохо расслышал, что он говорил, и не обратил на его слова никакого внимания.

– Ваши сиятельства едут в Париж? – начал он совершенно другим тоном.

Когда я ответил утвердительно, он посмотрел на меня с выражением, в котором его прирожденная наглость боролась с нерешительностью.

– Я прошу вас об одном одолжении, – сказал он. – Я также еду в Париж, и я не трусливого десятка, как вы видели. Но дороги небезопасны, и, если что-нибудь случится в Париже... одним словом, я предпочел бы ехать вместе с вами, господа.

– Мы будем рады вам, – сказал я. – Но мы выезжаем через, полчаса. Знакомы ли вы с Парижем?

– Так же, как и с рукояткой моей шпаги, – отвечал он с оживлением, должно быть довольный моим согласием, как мне казалось. – Я вырос в нем. И если вы захотите сыграть партию в «ранте» или поцеловать хорошенькую девушку, то я буду вашим лучшим проводником.

При той боязни большого города, которая вообще свойственна провинциалам, мне показалось, что наш развязный приятель может оказать нам некоторую помощь.

– Знаете ли вы мсье де Паван? – почти невольно вырвалось у меня. – То есть, где он живет в Париже?

– Мсье Луи де Паван? – повторил он.

– Да!?

– Я знаю... – продолжал он, задумчиво потирая свой подбородок и уставляясь глазами в землю, – я знаю, где была его городская квартира раньше, до тех пор... А! Знаю! Теперь я вспомнил, – прибавил он, ударив себя по ляжке, – когда я был две недели тому назад в Париже, то мне сказали, что его поверенный снял для него квартиру на улице Сент-Антуан.

– Прекрасно! – радостно воскликнул я. – Мы остановимся у него, если вы можете проводить нас прямо до его дома.

– Это я могу, – отвечал он с неподдельной искренностью. – И вы не пожалеете, что я с вами. Париж не особенно приятное место в смутное время, и вашим сиятельствам попался хороший проводник.

Я не спросил его, какие смуты он подразумевал, но поспешил в гостиницу, чтобы захватить свое оружие и сообщить Мари и Круазету о найденном мною союзнике. Они, естественно, обрадовались этому, и мы выехали в самом веселом расположении духа, рассчитывая после полудня попасть в Париж.

Но по дороге лошадь Мари потеряла подкову, и мы долго разыскивали кузнеца. Затем в Этампе, где мы остановились завтракать, нас заставили долго ждать. Так что солнце уже садилось, когда мы первый раз в жизни подъезжали к Парижу.

Красный отблеск заката озарил восточные холмы, на которых высвеченные закатными лучами выделялись башни Notre Dame и одиноко стоящая колокольня St. Jacques de Boucherie. Несколько высоких крыш, выделявшихся над другими, были так же облиты ярким светом, и огромное темное облако, растянутое с севера на юг и похожее на человеческую голову, висело над городом и постепенно переходило в окраске от одного цвета к другому, начиная от кроваво-красного, потом фиолетового, кончая черным, по мере сгущения сумерек.

Проехав через ворота и несколько мостов, мы были совершенно ошеломлены непривычным для нас шумом и суетой. Сотни человек двигались взад и вперед по узким улицам. Женщины перекрикивались из окон домов. Колокола нескольких церквей звонили *couvre feu*. Глаза наши разбегались, глядя на эти высокие дома с крутыми крышами и башенками всевозможных видов, на эти причудливой архитектуры церкви, на скопления горожан (некоторые из них

были самого свирепого вида), толпящихся на углах зловонных переулков и провожавших нас недобрыми взглядами.

Вскоре дорогу нам преградила толпа, собравшаяся смотреть на кавалькаду из шести сеньоров, переезжавших улицу. Они ехали попарно, небрежно развалившись в седлах, перекидываясь словами и не обращая никакого внимания на собравшихся подле них людей и их замечания. Их изящная осанка и великолепие их костюмов и вооружения превосходили все виденное нами до сих пор. За ними пешком шла дюжина лакеев и пажей, шутки и смех которых долетали через головы толпы и до нас.

В то время как я смотрел на них, лошадь Бюре, испуганная движением в толпе, попятилась на мою, и Бюре разразился напрасными ругательствами. В тот же момент внимание мое было отвлечено Круазетом, который прикоснулся к моей руке своим хлыстом и воскликнул в большом волнении:

– Посмотри-ка! Разве это не он?

Я стал смотреть в указанном направлении, насколько позволяла взбесившаяся подо мной лошадь, напуганная еще и ругательствами Бюре, и взгляд мой остановился на последней паре кавалеров.

Они переезжали поперек улицу, так что я мог видеть их только сбоку и, собственно, ближайшего к нам всадника. Это был чрезвычайно красивый молодой человек, лет двадцати двух или двадцати трех, с длинными локонами, падавшими на его кружевной воротник, и в шелковом оранжевом плаще. У него было весьма симпатичное и доброе лицо, но он был совершенно незнаком мне.

– Я готов поклясться! – воскликнул Круазет. – Это сам Луи... мсье де Паван!

– Этот? – отвечал я, когда толпа разошлась, и мы смогли двигаться далее. – Ни в коем случае!

– Нет, не тот! Другой, рядом! – воскликнул Круазет.

Но я не разглядел другого всадника. Повернувшись в седлах, мы пристально вгляделись им вслед, и мне показалось, что фигура второго человека напоминает Луи. Но Бюре, по его словам знавший Павана, только смеялся над этим.

– Ваш друг гораздо шире в плечах! – И мне думалось, что он прав, хотя много значил и покроем одежды. – Они наверное возвращаются из Лувра, после игры в «ранте», – продолжал он. – Адмиралу наверное лучше, потому что ближайший к нам был мсье де Телины, его зять. Другой же, о котором вы говорили – граф де ля Рошфуко.

С этими словами он свернул в какую-то узкую улицу вблизи реки, и мы могли рассмотреть находившуюся неподалеку темную массу построек, которая, по словам Бюре, и была Лувром, жилищем короля. Из этой улицы мы повернули в короткий проулок, и тут Бюре остановил свою лошадь и громко постучал в тяжелые ворота одного из домов. Было так темно, что когда ворота открылись, и мы въехали во внутренний двор, мы смогли разглядеть только силуэт высокого дома с крутой крышей, выделявшийся на фоне темнеющего неба, и группу людей с лошадьми в ближайшем к нам углу двора. Бюре ничего не сказал им, но когда мы слезли с лошадей, указал нам слугу, который должен был проводить нас к мсье де Паван.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.